

ЭТО «СТРАШНОЕ» СЛОВО ЭКСПЛУАТАЦИЯ...

Леонид ГРЕБНЕВ, Александр ЧЕПУРЕНКО

Сегодня, когда понятия «рынок», «частная собственность», «приватизация» не только утвердились в общественном сознании, но и обрели права гражданства в законодательных актах большинства суверенных республик, можно, пожалуй, сказать, что развилка исторических дорог нашей страной пройдена. Однако споры и страсти вокруг настоящего и будущего не только не утихают, а усиливаются. В значительной степени это связано с тем, что одно табу еще сохраняется.

Эксплуатация — вот чем грозит переход к рынку, утверждают сторонники сталинского казарменного коммунизма, да и некоторые приверженцы «обновления социализма». Сколь бы ни было несовершенным существовавшее до сих пор общественное устройство, говорят они, все же у него было одно решающее преимущество — общественная собственность на средства производства, которая, быть может, не дала высокой экономической эффективности, зато и освободила нас от эксплуатации. Между тем рыночная экономика обязательно приведет к появлению классических, описанных еще Марксом, форм угнетения человека человеком, еще неизвестно, даст ли более высокий достаток и уровень жизни.

Это серьезное возражение, от него нельзя просто отмахнуться, объявив его проявлением патологической «маркетобии». Не желая (или не умея?) разобрать данный вопрос по существу, наши либеральные экономисты и публицисты играют с огнем; Известно ведь, что даже в Польше, буквально выстрадавшей рынок, и последнее коммунистическое, и первое посткоммунистическое правительства пали в результате того, что стихийное неприятие обществом «минусов» рынка на какое-то время перекрыло готовность пойти на известные жертвы, чтобы воспользоваться его «плюсами».

Нет, боязнь эксплуатации нельзя просто объявить суеверием, данью марксистскому фундаментализму. Загоняя страх в подсознание, можно лишь создать питательную среду для антирыночного бунта, на волне которого к власти придет новый тоталитарный режим. Поэтому мы и решили порассуждать о том, что же означает это «страшное» слово — эксплуатация, какие социальные явления за ним кроются и есть ли реальные пути избавления человечества от всех и всяческих форм угнетения.

ЧТО ТАКОЕ ЭКСПЛУАТАЦИЯ?

Примечательно: говоря об эксплуатации, редко кто из ее противников удосуживается определить, о чем же идет речь. Считается, что это и так известно каждому. Так ли?

Начнем с термина. Сам по себе он не несет негативной нагрузки — говорим же мы об эксплуатации зданий, сооружений, оборудования, месторождений, энергии солнца, воды, ветра, домашних животных, не видя в этом ничего страшного, предосудительного. Мы говорим и об эксплуатации каждым человеком своего собственного тела, своих природных данных. Например, преподаватель эксплуатирует свои голосовые связки для передачи информации слушателям и должен делать это с соблюдением определенной техники безопасности, чтобы не навредить своему здоровью, сохранить свой рабочий инструмент. Во всех этих случаях можно слово «эксплуатация» заменить как синонимом словом «использование», в смысле подчинения природных или иных свойств каких-либо предметов некой вне их лежащей цели.

Человек не сможет добиться ни одной своей цели, если не приведет в действие свое собственное тело, то есть если не отнесется к нему как к средству достижения некой цели. Аналогичные ситуации сплошь и рядом встречаются в окружающей нас живой природе. Растения используют минеральные вещества, животные — растения и т.д. Все это нормально. Но есть в этом круговороте использования специфическая разновидность, именуемая паразитизмом. О явлении паразитизма обычно говорят тогда, когда некоторая (как правило, более простая) форма организма живет всецело за счет присвоения веществ,

вырабатываемых более сложной формой для собственной жизни, питаюсь ее соками. Паразитизм встречается в самых разных формах и в растительном, и в животном мире. При чем иногда он бывает безвредным или даже полезным, иногда же — угнетающим или даже смертельным.

По аналогии с этим можно определить эксплуатацию в узком смысле слова как социальную разновидность паразитизма, при которой часть человеческого рода обеспечивает свое существование за счет ограничения возможностей жизни рода в целом. Под такое определение подходит и экономическая эксплуатация, и экологическое паразитирование (оно проявляется в том, что нынешнее, относительно менее развитое в социальном отношении человеческое сообщество хищнически истребляет ресурсы, загрязняет среду обитания грядущих поколений, которые будут жить при ином, более высоком общественном устройстве), и сексуальное угнетение (когда способность к материнству становится фактором, препятствующим реализации социальных потенциалов женщины), и национализм или расизм (обосновываемое биологически ущемление прав людей другой нации или с иным цветом кожи).

В этой статье мы хотели бы поговорить только об экономической эксплуатации, то есть об эксплуатации в ее наиболее распространенном понимании. Обычно ее сводят к эксплуатации человека человеком, к присвоению чужого прибавочного труда. Между тем, во-первых, наряду с эксплуатацией человека человеком существовали и существуют и такие формы, как эксплуатация общества человеком (в каждом обществе существуют известные социальные группы, которые временно или постоянно живут за счет прибавочного труда всего этого общества, ничего не давая взамен, причем с прогрессом • производительных сил они численно увеличиваются — таковы, например, безработные) и эксплуатация человека обществом (в лице, например, государства; к этой форме эксплуатации мы позже еще вернемся).

Во-вторых, эти формы эксплуатации могут возникнуть лишь тогда, когда появляется сам прибавочный труд. В первобытном обществе эксплуатации не существовало, ибо для нее не было экономического источника — люди трудились до изнеможения, однако могли прокормить лишь самих себя. Значит, для появления эксплуатации необходимо, прежде всего, чтобы человек имел физическую возможность в течение рабочего времени заниматься не только необходимым, но и прибавочным трудом, то есть чтобы он мог «выжать» из своего организма больше, нежели нужно для его физического существования. Таким образом, базисом всякой эксплуатации является... самоэксплуатация (в вышеописанном понимании).

Наши публицисты уже обратили внимание на феномен самоэксплуатации. Правда, они усматривают ее, прежде всего в стремлении многих фермеров и кооператоров повысить продолжительность рабочего времени и интенсивность собственного труда. Думается, однако, что данное явление имеет гораздо более широкое распространение и несколько иной смысл.

Расширение возможностей человека и человечества, историческое возвышение человеческого рода, сознательно творящего собственную историю, измеряется в первую очередь его способностью к прибавочному труду. Необходимый труд лишь воспроизводит прежние возможности и социальные связи, тогда как прибавочный труд позволяет их менять, расширять, совершенствовать. Поэтому необходимый труд есть в известной мере «вычет» из прибавочного труда, его ограничитель. В этом смысле в экономической жизни любого общества есть элемент подчинения заложенного в человеке социального начала биологическому, то есть высшего — низшему. Читатель помнит, что именно такую ситуацию мы выше охарактеризовали как... паразитизм.

Афоризм «Человек — раб своего желудка» довольно точно описывает самоэксплуатацию, характерную для всех существовавших и ныне существующих способов производства. До сих пор значительную часть жизни человек уделяет обслуживанию потребностей собственного организма, а не развитию своих творческих способностей и талантов.

Очевидно, что до тех пор, пока человеку не удастся найти способ радикального изменения своего положения в производстве жизненных благ и роли материального производства в жизни общества, возможны лишь те варианты частичного преодоления эксплуатации для отдельных его членов или некоторых социальных групп, о которых упоминалось выше—эксплуатация человека человеком, эксплуатация человека обществом, эксплуатация общества человеком.

Когда говорят о том, что рыночная экономика сопряжена с эксплуатацией человека человеком, то это, конечно, верно. Правда, с одним маленьким уточнением: такова была классическая рыночная экономика времен Адама Смита. Ибо уже во времена Маркса (о чем известно каждому, кто знаком с «Капиталом», а не только с «популярными» его изложениями в вузовских учебниках) эта форма эксплуатации была потеснена эксплуатацией человека обществом — в лице акционерных компаний и государства. Ныне же, когда в развитых странах Запада в рамках так называемого государства всеобщего благосостояния сложилась мощная система социальных гарантий, выплат, пособий и льгот, наряду с двумя этими формами значительную роль в функционировании общества играет и эксплуатация общества человеком.

Полагаем, что, сколь бы ни отстали мы в своем социально-экономическом развитии от передовых держав Запада, переход к рынку у нас едва ли, даже при самом неблагоприятном сценарии, приведет к становлению системы эксплуатации человека человеком—все же по всем параметрам мы весьма отличаемся как от европейского общества времен Бальзака или Диккенса, так и от тех стран «третьего мира», в которых эта экзотическая форма эксплуатации еще является ведущей. Гораздо вероятнее другое — складывание государственно-монополистического капитализма, при котором на первый план выйдет эксплуатация человека, наемного работника, государственными корпорациями (концернами, ассоциациями) монополистического толка, возникающими на месте прежних министерств, ведомств, предприятий-гигантов и теневых структур. Но будет ли этот—даже этот, скажем мы—сценарий означать «возврат» от социализма к капитализму, некий общественный регресс?

Придется, во-первых, напомнить нашим ортодоксам известную ленинскую мысль, неоднократно высказывавшуюся им в начальный период нэпа. Мысль эта заключается в том, что государственный капитализм, безусловно, ближе к социализму, чем мелкотоварное или частнокапиталистическое производство. (Поэтому, заметим в скобках, антимонопольная политика должна быть направлена не на то, чтобы раздробить крупные капиталы на множество мелких и создать стихийный рынок, а на то, чтобы ограничить произвол крупного капитала, поставить его экономическую стратегию и доходы под контроль общества и государства.) При наличии действительно демократического государства политический контроль за монополистическими объединениями позволяет ввести эксплуатацию в цивилизованные рамки — об этом свидетельствует сопоставление современного Запада с «третьим миром» или же эпохой классического европейского и американского капитализма.

Во-вторых, необходимо еще ответить на вопрос: о каком «возврате» и от какого «социализма» идет речь?

ЭКСПЛУАТАТОРСКИЙ СОЦИАЛИЗМ – ЖАРЕННЫЙ ЛЕД?

Рассуждения сторонников сохранения прежней общественной системы очень просты: а) социализм есть «по определению» общество без эксплуатации; б) эксплуатация связана с существованием частной собственности и рынка; в) в СССР была ликвидирована частная собственность; г) в СССР существовало социалистическое общество; д) возврат к частной собственности означает отказ от социализма и возрождение эксплуататорского общественного устройства. Мы согласны с утверждениями а) и в), однако, как мы пытались показать выше, пункт б) не соответствует действительности — у эксплуатации, вообще говоря, существуют иные, более глубокие корни. Добавим только, что при нату-

ральном хозяйстве, то есть при отсутствии частной собственности и рудиментарном рынке, самоэксплуатация достигает самого высокого уровня: преобладание малопроизводительных ручных орудий труда предопределяет высокий удельный вес производства продуктов питания и других предметов первой необходимости. Человек здесь в большей степени поработан собственными биологическими потребностями, нежели другим человеком или обществом при рыночном хозяйстве. Остается лишь остановиться на двух последних пунктах ортодоксального символа веры.

Мы не станем доказывать здесь — это достаточно убедительно делали уже другие авторы, — что существовавшее в СССР общество не было социалистическим. Мы хотели бы показать, что даже гораздо более «мягкая» версия не позволяет согласиться с утверждением о «возрождении» эксплуататорских порядков при переходе к рынку.

Социалистический идеал, как известно, сформировался задолго до появления буржуазного общества, до Маркса, до российских большевиков. Те или иные проекты устройства общества, в котором не будет эксплуатации, возникали и в средние века, и на заре промышленного капитализма. В зависимости от того, какая форма эксплуатации преобладала, появлялись те или иные варианты мечтаний, противопоставлявшихся суровой действительности. Причем не только в разных обществах, но и у разных классов одного и того же общества формировались несовпадающие представления об идеале. Так, уже в 40-е годы XIX века одновременно существовал крестьянский и феодальный, мелкобуржуазный и буржуазный социализм, о чем Маркс и Энгельс писали в своем «Манифесте». Позже возник национальный социализм в самых разнообразных модификациях.

Можно говорить о двоякой реакционности всех этих вариантов социализма. Во-первых, они являются естественной, подсознательной реакцией эксплуатируемых на сам факт эксплуатации («классовое чутье»). В такой реакции преобладают разрушительные эмоции, а не созидательный разум. Во-вторых, отрицание наличных форм эксплуатации стихийно сопровождается идеализацией прошлого, в котором еще не было того, что стало возмущать позже.

Превращение социализма из утопии в действительность через живое историческое творчество народа, отвергающего знакомые ему формы эксплуатации, вовсе не обязательно должно привести к становлению общества без эксплуатации. Оно — в зависимости от обстановки и состава актеров исторической драмы — может быть чревато переходом... от одной формы эксплуатации к другой, более примитивной.

К сожалению, так (или почти так) и произошло в нашей стране. В 1917 году народ, уставший от бойни первой мировой войны, которой сопровождалось втягивание полufeодальной, отсталой России в мировое капиталистическое хозяйство, попытался взять свою судьбу в собственные руки. Это ему удалось, но «ценой» стал возврат от частной собственности к архаичным формам общей собственности, впервые в истории человечества появившимся в рамках азиатского способа производства.

Исчезла ли при этом эксплуатация? Отнюдь нет, она лишь несколько видоизменилась. Все три основные формы эксплуатации сохранились. Мы не будем касаться причин этого — они проанализированы во многих работах советских и зарубежных экономистов (назовем хотя бы П.Бунича, О.Лациса, поляка Рафала Кравчика, венгра Яноша Корнай), да это для нас и неважно. Можно лишь констатировать, что она продолжала существовать в виде уравниловки, при которой плохо работающий получает доход за счет прибавочного труда старательного, умелого, инициативного работника. Более того, зона эксплуатации человека человеком в последние десятилетия даже существенно расширилась по мере усиления дефицитности экономики. Она преобладает у цеховиков, в теневой экономике или на черном рынке, где грабит покупателя спекулянт. Эксплуатация человека обществом (в лице государства) приобрела невиданные масштабы. Причем мы имеем в виду не только узурпацию государственной и партийной бюрократией значительной части так называемых общественных фондов потребления, но и гигантские затраты на разного рода разорительные «проекты века», содержание громоздких общественно бесполезных идео-

логических и политических структур, подкармливание тоталитарных режимов за рубежом и другие формы выкачивания прибавочного труда нации в угоду абстрактным принципам внутренней и внешней политики.

Наконец, существует и эксплуатация общества человеком. Наиболее отчетливо это проявлялось (и пока еще проявляется) в системе бюджетных дотаций убыточным предприятиям, дающей возможность их работникам иметь гарантированный доход, очень слабо связанный с количеством доставленного ими общественно необходимого труда; в системе уравнительного доступа к общественным фондам потребления, что зачастую на практике оборачивается иждивенчеством, социальным паразитизмом маргинален и люмпенов.

Что же дает основания некоторым авторам — даже тем, кто весьма критически относится сложившейся у нас общественной системе, — говорить о ее социалистическом характере? Очевидно, восходящее к французскому философу, последователю Сен-Симона Пьеру Леру понимание социализма как примата общества над личностью. Чтобы не ходить далеко за примерами, сошлемся на Г.Х.Шахназарова, помощника Горбачева. Он пишет: «...что есть социализм, следует судить не по идеалу, выношенному утопистами, и не по определению классиков марксизма-ленинизма, при всем к ним уважении. Правомерно лишь определение, происходящее от самого сущностного смысла этого понятия, а именно: преобладание общего над частным, прежде всего и главным образом в формах собственности, производства и распределения. Был ли с этой точки зрения у нас социализм? На этот счет не может быть никаких сомнений» (Г. Шахназаров. В поисках утраченной идеи (к новому пониманию социализма).— Коммунист, 1991, № 4, с.31). Мы бы, правда, сформулировали несколько иначе. Та форма «социализма», которая у нас сложилась, была связана с преобладанием в системе экономических отношений эксплуатации человека государством. Именно она на протяжении многих десятилетий оставалась несущим звеном, две остальные формы эксплуатации были производными от нее. Данный вывод подтверждается тем очевидным фактом, что коллапс системы начался вследствие частичного разрушения именно этого контура системы — ведь и зона эксплуатации человека человеком (теневой бизнес, кооперация и т.д.), и масштабы эксплуатации общества человеком (компенсации, повышение пенсий и т.п.) постоянно расширялись на протяжении всех последних лет!

Выходит, если у нас и существовал социализм, то эксплуататорский, основанный на примате эксплуатации человека обществом. Сегодня, следовательно, происходит не переход от неэксплуататорского строя к основанному на угнетении капитализму, а нечто иное — переход к другой иерархии форм эксплуатации. При этом меняется и облик самих субъектов, участников, сторон экономических отношений.

Не только у нас, но и в развитых странах Запада идет объективный процесс модификации старой, базисной для современного общества, формы эксплуатации. Приватизация государственной собственности, децентрализация управления социально-экономическими процессами направлены отнюдь не на замену сегодняшних «социализма» или «капитализма» примитивным, архаическим, частнособственническим буржуазным обществом. Такой поворот событий на исходе XX века, при нынешнем уровне обобществления производства, просто немыслим. Речь идет о другом — деэтатизации, или разгосударствлении, переходе государственной к иным — акционерной, кооперативной и т.п. — видам общественной, а отнюдь не частной собственности (комментарий из 2000 г.: на самом деле мой соавтор ошибался — все перечисленное им относится именно к частной, а не общественной собственности, о чем мне довелось писать еще до публикации данной статьи в "Вопросах экономики" № 2, 1991). Эксплуатация человека обществом при этом не исчезает, но на первый план выходит негосударственная ее форма.

ВОЗМОЖНО ЛИ ОБЩЕСТВО БЕЗ ЭКСПЛУАТАЦИИ?

Кому-то, может быть, покажется, что картина складывается весьма неутешитель-

ная. В самом деле, оказывается, и социализм — тоже не самое лучшее общество, а эксплуатация является вечным спутником человечества, при всех его мечтах о лучшем, более справедливом общественном устройстве. Да, пока — подчеркнем, пока — это так. Но значит ли это, что угнетение в принципе неустранимо?

Любые формы эксплуатации, даже самые цивилизованные, мягкие, всегда сопряжены с конфликтом, противостоянием общественных сил (хотя попытки его разрешения, конечно, могут быть разными — от гражданских войн до переговоров за круглым столом в поисках приемлемого компромисса). При прочих равных условиях более жизнеспособным представляется, однако, такое общество, силы которого не тратятся на борьбу или предотвращение борьбы между его различными слоями, социальными группами, регионами, нациями, отстаивающими свои интересы за счет других, то есть общество, в котором никто не считает себя эксплуатируемым и действительно не эксплуатируется никем.

Критерий жизнеспособности, выживаемости общества — совершенно объективный критерий. Борьба эксплуатируемых с эксплуататорами может кончиться не только взаимоприемлемым соглашением сторон или победой (действительной или мнимой) одной из них, но и исчезновением общества, его самоуничтожением. Значит, эксплуатация представляет собой угрозу для общества. Ликвидация этой угрозы — объективная жизненная потребность всего общества. Таким образом, социализм, понимаемый как освобождение от эксплуатации, — не только мечта эксплуатируемой части общества, но и реальное дело общества в целом, если оно понимает, что от этого зависит его дальнейшее существование.

Но понимание необходимости перемен приходит, как правило, вместе с появлением их реальных предпосылок. Ибо человечество в целом — в отличие от отдельных утопистов — никогда не ставит перед собой неразрешимых задач. Эти реальные предпосылки сегодня уже прорисовываются — автоматизация и компьютеризация производства создают возможность для быстрого сокращения необходимого рабочего времени, а значит, и для сведения к минимуму самоэксплуатации. В перспективе же, очевидно, «вытеснение» человека из материального производства и его освобождение от нетворческих видов умственного труда (счетоводство и т.п.) приведут к исчезновению и различия между рабочим временем как таковым и свободным временем.

Конечно, остаются еще другие, неэкономические формы эксплуатации — загрязнение окружающей среды, национализм, расизм и сексизм. Но именно то обстоятельство, что они, а не экономическая эксплуатация, вызывают ныне наибольшую озабоченность у общественности развитых стран (многие социалисты на Западе считают сегодня социальный вопрос в том виде, в каком он стоял на повестке дня в первой половине XX столетия, исчерпанным, и провозглашают конец эпохи профсоюзов и рабочих партий и наступление эпохи новых общественных движений — антивоенного, а также зеленых, феминисток, молодежи, национальных и расовых меньшинств), — именно это свидетельствует, что человечество стоит на пороге принципиально иной эры. Грядет эра, когда основная форма эксплуатации — экономическая — навсегда отойдет в прошлое. Эксплуатация останется в исторической памяти человечества, для наших потомков она будет только «страшным» словом, но не жизненным понятием.

Фантастика? Как знать. Ясно одно — к концу XX века впервые складываются условия для превращения подлинного, неэксплуататорского социализма из утопии в действительность. Разумеется, такова магистральная линия развития человечества. Однако разные страны и регионы находятся на различных этапах трудного марша к новому, постэксплуататорскому обществу. Если нашему народу удастся решить проблему демократической модернизации экономических структур и создать — будем реалистами — общество, свободное не от эксплуатации, а только от архаических ее форм, мы сможем совершить этот марш относительно быстро. Любой иной вариант обновления общества чреват консервацией самых дремучих, косных форм угнетения.